

Человек не реагировал.

Ван Дачжуан легонько толкнул его и снова позвал, но незнакомец по-прежнему не подавал признаков жизни.

Он положил лук на землю и осторожно перевернул человека. Увидев его состояние, Ван Дачжуан невольно ахнул. Левая лопатка и бок мужчины были залиты кровью, алые пятна пропитали землю под ним. Рана на плече, будь она чуть ниже, могла бы пронзить сердце насквозь. Ужасные раны выглядели настолько страшно, что от одного взгляда на них становилось не по себе, а белая одежда делала пятна крови ещё более заметными.

Ван Дачжуан с детства жил в этом тихом деревенском уголке и никогда не видел кого-то в столь плачевном состоянии. Сердце его сжалось от жалости, и он тихо вздохнул:

— Он... наверное, уже не выживет, да?

Осторожно проверив дыхание человека, он с облегчением обнаружил, что тот ещё дышит, хотя и очень слабо. Ну что ж, попытаться спасти его всё же стоило. Если не удастся — тогда уж похоронит по-человечески, чтобы хоть как-то исполнить свой долг перед ним.

Но, судя по ранам, этот человек пострадал вовсе не от зубов зверя. Раны походили скорее на удары острого оружия. Ван Дачжуан немного задумался, затем достал из своих припасов лекарственный порошок, порвал на полосы собственный потный платок и неумело перевязал раны, пытаясь хотя бы остановить кровь и заглушить запах, способный привлечь хищников.

Затем он закинул лук за спину, нагнулся и осторожно поднял раненого. Долго оставаться в этом месте было нельзя. Запах крови скоро приманил бы крупных зверей.

Он бы предпочёл нести его на спине — так было бы легче и удобнее, но из-за тяжёлых ран любое давление на спину могло усугубить состояние, поэтому пришлось нести его на руках.

Когда они дошли до места, где он рубил дрова, Ван Дачжуан взглянул на аккуратно сложенную вязанку, но не стал задерживаться, а сразу направился к выходу из леса. К этому времени небо уже потемнело. В деревне люди спешили закончить ужин до наступления ночи, чтобы не тратить зря масло для ламп. Ван Дачжуан проделал весь путь до дома, не встретив ни единой души.

Войдя в дом, он положил человека на единственную кровать, набрал таз воды и снял с него окровавленную белую одежду, которая, должно быть, когда-то была красивой. Он выжал чистую ткань и осторожно начал очищать страшные раны.

Во время этой заботливой процедуры он не переставал тихонько бормотать:

— Ничего, ничего, потерпи, скоро всё будет хорошо. Я тоже часто ранюсь на охоте, я знаю, что раны нужно хорошо очистить, иначе они загноятся...

Он жил один, и обычно ему не с кем было поговорить. Теперь, когда в доме появился кто-то ещё, хотя он и понимал, что человек его не слышит, ему всё равно хотелось что-то сказать.

Пока Ван Дачжуан тихо бормотал, он не заметил, как человек на кровати слегка приоткрыл свои узкие глаза. В его взгляде мелькнула холодная решимость, но лишь на мгновение. Он молча посмотрел на Ван Дачжуана, а затем снова закрыл глаза, слушая его непрерывное бормотание.

Ван Дачжуан ничего не знал о том, что человек ненадолго пришёл в сознание. Он сосредоточенно обрабатывал раны, и вскоре вода в тазу стала красной от крови. Он нахмурился, снова сходил за водой и повторил процедуру ещё два раза, пока раны наконец не были очищены.

К этому времени на улице уже сгустилась ночь. Он зажёл масляную лампу, не жалея масла, достал припасённые лекарства и бинты и аккуратно перевязал раны. В процессе он продолжал болтать:

— Смотри, какая у тебя нежная кожа. Если бы не необходимость перевязки, я бы не осмелился прикоснуться к тебе своими грубыми руками. Кто же так жестоко с тобой обошёлся? Ты нарвался на разбойников? Но у нас тут в округе нет разбойников...

Когда он закончил перевязывать раны, его взгляд упал на испачканную кровью белую одежду. Он помедлил, затем порылся в своём сундуке и достал новенькую светло-голубую рубаху. Надевая её на мужчину, он говорил:

— Эх, твои одежды такие тонкие и мягкие, словно облако... Ты, видно, из богатого рода и, наверное, не привык к такой грубой ткани... Мне даже неловко одевать тебя в это, но твоя одежда вся испачкана кровью, её нельзя носить. Эта рубаха новая, я недавно купил её в городе, и ещё не надевал. Ты уж не обессудь, поноси пока это, а завтра я постираю и зашью твою одежду, и ты сможешь снова надеть её.

Помедлив, он добавил:

— Будь спокоен, я не желаю тебе зла.

В этот момент, незаметно для Ван Дачжуана, человек снова слегка приоткрыл глаза и мельком взглянул на него.